

ГАЛИНА РОМАНОВА

ДЕМОН РЕВНОСТИ

Детективная мелодрама

Галина Романова

Демон ревности

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Романова Г. В.

Демон ревности / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2016 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-90728-1

Давно известная аксиома о том, что жизнь после развода только начинается, – не для Киры. У нее с уходом обожаемого Ильи к богатой разлучнице оборвалось все, и теперь обезумевшая женщина готова на любое сумасбродство, только бы не дать расцвести чужому счастью. До последних страниц читателю предстоит угадывать, кто же на самом деле объяснит Кире, что любовь до потери себя – не преступление... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-699-90728-1

© Романова Г. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Демон ревности

© Романова Г. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Страшно представить, но завтра могло для нее не наступить. Никогда не наступить. Ужас какой!

Стоя по колено в снегу, Кира рассматривала свою машину, повисшую на краю пятиметрового оврага багажником вверх. Два старых кряжистых дерева не дали ей свалиться вниз. Не дали Кире погибнуть. Эти деревья непонятной породы милосердно подставили свои корявые толстые ветки, дали себя изодрать, изломать, изуродовать, но не позволили свалиться в овраг машине вместе с Кирой. Ее малышка – ярко-красная малолитражка – мягко попружинила и замерла, запутавшись в ветках в полутора метрах от земли.

Наверное, все было именно так.

Как же ей удалось выбраться наружу? Кира перевела взгляд на утоптаный снег со стороны водительской двери, теперь распахнутой настезь. Она сама выбралась? Или ей помогли? Ничего не помнит! Ничегошеньки! Как схватила колесами жирной снеговой каши, помнит. Как начало ее машину вертеть по дороге, помнит, но смутно. А как летела с дороги и приземлялась за пять метров от смерти – пустота! И как выбиралась из машины – тоже белый лист.

И вообще.

Чушь собачья эти разговоры, что вся жизнь перед глазами пролетает одним кадром. Не было ничего такого! Пустота. И в голове на тот момент был только звон. Как в стеклянной банке. Ни одной мысли, ни единой. Кира даже испугаться не успела.

– Это судьба, – вздохнул кто-то за ее спиной.

– Это везение! – возразили ему с чувством. – Девушка, с вами все в порядке?

Кира не оборачиваясь кивнула. Взгляд, как заколдованный, прилепился к машине. В голове заворочались первые мысли.

Как она теперь доберется до города? Надо, наверное, кому-то звонить. Вызывать эвакуатор. Хотя от дороги до края оврага метра четыре, снега по колено. Он сможет здесь проехать? Не факт. Кому-то следовало позвонить. Кто-то умный и рассудительный должен прийти ей на помощь.

– Идемте, – чья-то рука вежливо, но твердо взяла ее под локоток. – Нечего снег утапывать. Сейчас выйдем на дорогу, позвоните близким, они вас заберут.

Да-да, точно.

Кира с благодарностью глянула на мужчину, который уводил ее по своим следам в глубоком снегу к трассе.

Так себе мужичок, оценила бы его ее подруга Ирина. На слабую троечку. Среднячковый элемент. Не нашего поля ягода, продолжал звучать в голове насмешливый голос Ирки Глазуновой, привыкшей еще в студенчестве оценивать всех мужиков по пятибалльной шкале.

Зипунок с распродажи. Сапоги-«дутики». Кто в таких сейчас ходит кроме пенсов? Может, рыбак, рассеянно подумала Кира и взмахнула руками, как птица крыльями.

– А что с машиной? – спросила она, когда вдоволь намахалась руками.

– С маши-иной? – насмешливо протянул среднячковый элемент. – Вас и в самом деле сейчас волнует, что будет с вашей машиной?

– Да, а не должно? – немного обиженно отозвалась Кира и полезла за ним следом вверх по склону.

Мужчина не ответил, продолжая тащить ее наверх. Из-под подошвы его «дутиков» ей в лицо летел грязный снег, сухая трава, какой-то мусор. Но это его мало заботило. Ее, как ни странно, тоже. Хотелось туда, наверх, прочь из этого страшного кювета, где она едва не погибла.

Ей бы век не выбраться, если бы не его помощь. Мозолей, правда, не нащупывалось, но рука была крепкой. На последнем метре, успев уже встать на обочину, он резко дернул ее за руку, и Кира через мгновение очутилась с ним рядом.

– Почему не должно волновать? – спросила она, встав перед ним в грязную снежную кашу на обочине и обнаружив, что мужик-то высоченный.

– Что? – Кажется, он начал раздражаться.

– Почему меня не должно волновать, что станет с моей машиной?

Ее голос вдруг неприятно зазвенел. Она пыталась на него обидеться? Или зареветь?

– Я ее не украла! Не угнала! Я на нее честно заработала! Почему я не должна?..

– Вот снег растает, – проговорил он спокойно, устремив взгляд на старые деревья, которые покачивали ее машинку, будто укладывали дитя спать. – Раньше эвакуатор туда не сунется.

– Он только выпал! – взвизгнула Кира и неожиданно ударила кулачком в широкую грудь, закутанную в зипунок с распродажи. – Ему еще лежать полгода! Хотите сказать, что моя машина там будет висеть до весны?

– Нет. Дня два-три повисит, – мужик зачем-то поднял вверх небритую физиономию, из-под растянутого воротника серого свитера в Киру нацелился острый кадык. – Передают резкое потепление к концу недели. До плюс десяти. Тогда и эвакуатор туда проберется. Вас довезти до города?

– Нет. Не знаю...

Кира устала на свои ноги в новых, три раза надеванных сапожках. Итальянская кожа от мокрого снега разбухла, сделалась тонкой, ни черта не грела подкладка из мягкой шерсти. У нее совершенно отмерзли ноги. Если сейчас этот мужик уедет, как все остальные очевидцы ее дорожного происшествия, она окоченеет. Окоченеет и умрет! Что не доделала авария, доделает пронзительный сырой ноябрьский ветер. Она замерзнет на этой обочине в одиночестве.

– Вам надо позвонить кому-то. Есть кому? – пробился сквозь клубок панических мыслей глуховатый голос мужчины.

– Позвонить? Да, есть, – Кира глубже надвинула капюшон короткой курточки, которую продувало, будто та была не из нежной овчины, а из марли.

– Так звоните, – рассердился он.

– Да, сейчас. Да.

И тут же сообразила, что телефон у нее в сумке, сумка осталась в машине на заднем сиденье, а машина вон она – висит, как в гамаке, на старых кряжистых ветках.

– Что?! – повысил голос мужик.

– Телефон там, – ткнула озябшим пальчиком в сторону машины Кира. – В сумке. Сумка на заднем сиденье. Телефон, кошелек, ключи, документы. Там все.

И тут уж она заревела! Да с таким чувством, с таким азартом, будто только и ждала той минуты, когда можно будет. Авария – не причина. Она же благополучно спаслась! На ней ни единой царапины. Даже одежда вся цела. А вот оставшаяся в машине сумка...

Это да. Это повод. Сумка-то там вместе с машиной до оттепели! Как же она? Как же без нее?

– О господи! – с чувством простонал мужик, порывшись в карманах зипунка с распродажи, достал комок бумажных салфеток, сунул ей в руки и приказал: – Вытрите сопли, слюни и слезы. Я сейчас принесу вашу сумку.

И ушел. Снова вниз. Снова, неуклюже шагая, пробирался по их следам до ее машины. Потом открыл заднюю дверь, и сумка сама вывалилась наружу. Мужик ее подхватил и двинулся обратно. Следы от их шагов превратились в глубокие воронки, в них отчетливо захлюпала вода. Может, правда, все растает уже через три дня?

Растаяло раньше. Эвакуатор вытащил ее машинку и сразу отволок в автосервис. Там осмотрели и авторитетно заявили, что ремонт копеечный.

– Тебе, Степанида, нещадно повезло, – кричала Ирка, прохаживаясь березовым веником по ее лопаткам. Они парились в бане. – Ты просто не представляешь, как тебе повезло, Степанида!

– Не называй меня так, – ленивым разморенным голосом попросила Кира. – Что за Степанида, в самом деле? Я Кира Степановна Степанова.

– Вот потому и Степанида!

Ирка швырнула растрепанный веник в лоханку с водой, шмякнулась рядом на полку, застеленную махровой простынкой. Звонко треснула Киру по голой попке.

– Как бросишь своего Степанова, так перестанешь ею быть, поняла?

– Чего это мне его бросать-то? – Негу как водой смыло. Кира осторожно, чтобы не обжигаться горячим паром, привстала, уселась на простынку. – Он мой муж! Хороший, положительный, непьющий.

– Всяких баб дерущий, – фыркнула Ирка с ненавистью. – Ты такая дура, Кир, такая дура! Ты, моя правая рука на фирме, ни разу не ошиблась в подборе персонала. Ни разу! У тебя офигенное чутье на людей. Ты их просто видишь насквозь. Чувствуешь нутром! А со Степановым – труба просто какая-то! Неужели ничего не замечаешь?

– Вот именно, – нравоучительно подняла пальчик вверх Кира. – Если не замечаю, значит, ничего нет. Иначе давно бы уже...

– Ну-ну, – Ирка скривила красивый тонкогубый рот, доставшийся ей в наследство от бабки и делающий ее невероятно сексуальной. – Валяй, и дальше не замечай. Поверь мне, дорогая моя подружка, преподнесет он тебе такой сюрприз, что...

– Если что-то знаешь точно, то скажи. Хватит голословно обвинять!

– Я ничего не знаю, – нехотя призналась Ирка после паузы. – Знала бы, давно сдала этого прохвоста.

– Вот!

– Но и без этого он... Он полный засранец, Степанида! – Ирка широко зевнула, выкинула вверх руку и принялась загибать пальцы. – Первое: он даже не приехал за тобой, когда ты улетела с дороги.

– Он был на совещании, – возразила Кира.

– Второе: первым делом он не спросил тебя, как ты. Он спросил, как машина!

– Если я с ним разговаривала, значит, со мной все в порядке, – пожалала плечами Кира. Повторила слова мужа – она его, между прочим, этим тоже упрекнула.

– Третье: он даже не поблагодарил того человека, который помог тебе выбраться. А как всякий порядочный человек обязан был. Кстати, – Ирка резко повернулась к ней, прогнула спину, – а ты?

– Что я?

– Ты позвонила? Поблагодарила? Он с тобой возился там два часа, пока я не приехала. Позвонила?

– Нет.

– Какого хрена, Степанида? – возмущенно округлила Ирка иссиня-черные глазищи. – Обнаглела совсем, да?!

– Ирина Ивановна, Ирина Ивановна, – легонько покачала головой Кира. – Что за сленг? Разве так можно разговаривать генеральному директору фирмы с уставным капиталом более...

– Тс-сс, – приказала шепотом Ирка. – Не смей разглашать коммерческие тайны, Степанида!

– Не буду, не буду, – Кира слабо улыбнулась. Погладила подругу по смуглому плечу. – Разговариваешь как извозчик.

– А ты неблагодарная, – не осталась в долгу подруга и тут же подставила спинку. – Еще! Почеши между лопаток, ага, ага, там. Почему не позвонила дядьке?

– Он же середнячковый, – пожалала плечами Кира, хотя, если честно, чувствовала себя немного виноватой. – Сама мне велела с такими никогда не связываться.

– Но поблагодарить-то могла.

– Я сказала ему спасибо.

– А телефон не взяла?

– Зачем?

– Вот-вот. Зачем? – фыркнула сердито Ирка, повела плечами, сбрасывая с себя руки подруги.

– Зачем, скажи?

– Хотя бы для того, чтобы твой холеный упырь его поблагодарил. – беззлобно огрызнулась Ирка.

– Он бы не стал, – вздохнула Кира и поднялась с полки. – Идем, Ирин, я уже задыхаюсь.

– Вот именно, что не стал бы, – обрадовано подхватила подруга, с кряхтением потягиваясь. – Он и мне спасибо не сказал, когда я тебя домой доставила. Я-то кто? Я друг! Я обязана! А вот посторонний человек на тебя время тратил, это совсем другое. Зря телефон не взяла. Ой, зря.

– Чего пристала-то? Он же так себе.

– И что? Я же тебя не заставляю за него замуж выходить. Я просто...

Они выбрались из парилки. Уселись за столом, накрытым к чаепитию, и разговор перешел на рабочие темы. Потом позвонил Илья, муж Киры. Заторопил. И сорочка у него на завтра не поглажена. И костюм она забыла из химчистки забрать, а на другом, достойном замены, две пуговицы болтаются. Срочно надо пришить.

– Что за скот, право слово! – воскликнула с раздражением Ирка, еле втискивая влажные ноги в капроновые колготки. – Не спросил, как ты. Вдруг ты угорела в парилке? Вдруг волосы опалила? А сразу: погладь, пришей, приготовь! Ой, чую я, Кира, преподнесет он тебе сюрприз! Ой, чую!

– Не каркай, – ухмыльнулась Кира и звонко поцеловала подругу в щеку. – Поверь мне, все мужья такие. Они все требуют ухода. Да за ними и нужен уход.

– Лучше бы собаку тогда завела, что ли, – проворчала Ирка, собирая в пакет свои банные принадлежности и с визгом застегивая молнию на куртке. – Ладно, идем уже. А то твой любезный весь извелся... А телефон зря все же не взяла. Дядька хоть и выглядел замшелым, но что-то было в нем такое.

– Я тебя умоляю, – фыркнула Кира, распахивая дверь сауны и вываливаясь в фойе. – Он никакой! Он просто никакой!

Глава 2

– И как долго ты еще станешь терпеть эту свою пышку?!

Изящные крылышки точеного носа гневно затрепетали. Указательный пальчик с удивительно искусным маникюром лег на переносицу, надавил, будто прогонял слезу. Голос дрогнул, когда она снова заговорила.

– Илюша! Она не любит тебя, понимаешь! Не любит!

Последнее она произнесла по слогам, как будто диктовала своим первоклашкам слово из диктанта.

Первоклашек она обожала. Всяких! Смешных, покладистых, капризных, вредненьких. Работу свою тоже обожала, хотя могла запросто не работать, проживать папины деньги. И обожала этого мужчину, который сидел сейчас перед ней за столиком в дорогом кафе, куда она пригласила его пообедать.

Мужчина хмурился и без конца прокручивал запись в диктофоне. Он долго не мог понять, как ей удалось эту запись сделать. Пришлось врать и изворачиваться. Чего она терпеть не могла – это сочинять небылицы. О том, как она случайно оказалась в спорткомплексе с подругами. И совершенно случайно баловалась с телефоном, стоя у дверей сауны в ожидании своей очереди. И вдруг из распахнувшейся двери вываливаются двое, его жена и ее подруга. И его жена говорит такое!..

Когда мужчина наконец понял, как все произошло, и поверил в стечение обстоятельств, он вдруг заявил:

– А где гарантия, что разговор обо мне? Здесь же обо мне ни слова. Имени моего нет.

И он осторожно отодвинул ее дорогую игрушку.

– О тебе, Илюша. Разговор, поверь, был о тебе. Просто, увидев их, я растерялась, смутилась. И быстренько телефон убрала, – продолжила она излагать выдуманную накануне историю. – Но она несколько раз повторила, что ее муж просто никакой! Тебе этого мало? Мало, чтобы понять, что она живет с тобой по инерции? И ты тоже живешь с ней по инерции. Вы просто убиваете время! А его нам так мало отпущено богом! Мы тратим его бездумно, Илюша! Нерационально.

– Да? – Обожаемый ею мужчина поднял брови и улыбнулся улыбкой самого прекрасного принца на свете. – В самом деле, Катерина Сергеевна?

Она засияла в ответ. Он любил называть ее по имени-отчеству, а еще училкой, а еще маленькой занудой. И ей это нравилось куда больше всяких там муси-пуси. Он был сильным, красивым, энергичным – обожаемый ею мужчина. И еще он так был похож на ее покойного отца, которого она тоже обожала, что пройти мимо Ильи Катя просто не смогла. Вцепилась в него бульдожьей хваткой, и все.

– Он будет моим, нянька! – шипела она домработнице, которая жила в их доме столько, сколько себя Катя помнила.

Домработница Клава, которую Катя с детства именовала нянькой и никак иначе, сокрушенно качала головой, шептала что-то про чужое счастье и про совесть. Катя ее не слушала.

– Он будет моим! Я все для этого сделаю!

И принялась делать. Сама! Минуя всяческую помощь, хотя запросто могла обратиться к бывшему начальнику охраны своего отца. Тот по привычке иногда опекал ее. К примеру, нарыл досье на Степанова Илью Сергеевича, единственным недостатком которого оказалось то, что он не был холост. Пару раз сопровождал в поездках. Иногда консультировал по телефону – наводил справки о родителях ее школьников, если она просила.

Но в этот раз к его помощи Катя не прибежала. Она сама взялась следить за женой Ильи, и безуспешно. Чего стоит фотография, на которой эта противная пухлая Кирка обнимается

с мужиком на обочине сразу после аварии. Илье очень это не понравилось, очень! А теперь эта звукозапись, выдранная Катей из контекста пустого разговора подруг. Тут уж Илья не мог найти никакого оправдания своей ненаглядной Кире.

А что? А вдруг он ее правда обожает? Вдруг все заверения, что давно разлюбил, что просто ждет удобного момента, чтобы уйти, – ложь?

– Илья, нам надо серьезно поговорить. – Мягко дотронувшись до его ладони, лежащей на белоснежной скатерти, Катя прокашлялась. – Так долго продолжаться не может. Я понимаю, что такие слова, вероятно, каждая любовница говорит рано или поздно своему любовнику, но...

– Но? – Илюша глянул на нее грустно.

Не спугнуть бы! Не оттолкнуть своей напористостью.

– Но это поздно, кажется, уже наступило, – тихо, почти шепотом проговорила Катя.

– То есть?

В его глазах, в лице ничто не изменилось. Он по-прежнему смотрел на нее с тихой печалью. Как если бы жалел и ее и себя. Бедных заложников собственной страсти.

Катя вздохнула, рассматривая его.

Господи, до чего же он хорош! Мягкие русые волосы, слегка вьющиеся, слегка непослушные. Голубые глаза, красивый нос, скулы, рот. Ничего хищного, ничего безвольного. Милый, приятный, воспитанный. Так сказал о нем бывший начальник охраны ее отца, и Катя с ним была согласна. А потом, когда он добавил, что Илья сильно похож на покойного хозяина, она расплакалась. С облегчением. С благодарностью.

– Я больше не могу предохраняться, – соврала Катя. – Мой врач категорически против всяких пилюль.

– Ага, – кивнул Илья и снова покосился на ее телефон, который она со стола так и не убрала.

– Мне пора рожать. Мне двадцать девять лет. Потом может быть поздно, – гнула свою линию Катя, хотя рожать пока не собиралась. Пять ближайших лет точно.

– Я тебя слышал, – кивнул снова Илья.

И вдруг нажал пальцем на ее телефон, снова воспроизводя запись, где его жена звонко утверждает о его никчемности. Громко, на все фойе. Еще один кивок.

– И это я услышал. Кать, давай съедим чего-нибудь.

Это был хороший знак, очень. За полгода их отношений она его неплохо узнала. Если все хорошо, Илья хотел есть. Если все плохо, аппетита нет.

– А давай, – взмахнула она руками. – По куску бифштекса. С кровью! И овощей гору! Да?

– И еще мандариновое суфле, – заразился он ее азартом, заулыбался, поймал ее ладошки, легонько сжал. – И кофе целый кофейник!

– И пирожных, да-да! Пирожных шоколадных!

– С воздушной шапочкой. Помнишь, брали в последний раз? Вкусно!

Они подозвали официанта, сделали заказ. Потом с аппетитом ели, урчали, как сытые кошки, смеялись друг над другом, подшучивали. Сделалось беззаботно и весело. Катя решила его не дожимать. Информация запущена, пускай принимает решение. Он же мужчина. Ему потом править отцовским бизнесом, доставшимся Кате в наследство. А кому еще, ей, что ли? Она теперь этого не может. Она учительствовать любит, малышами командовать. Это ее. А бизнес...

– Илюша, совсем забыла сказать за всем за этим... – Она неопределенно повела рукой, сняв ее с баранки руля своего автомобиля. Илья стоял возле машины. – Тебе надо было бы заехать на фирму отца. Что-то там идет не совсем так, как надо. Надо же, совсем забыла.

Катя наморщила лоб, будто правда только что вспомнила. Конечно, она не забывала. Просто приберегала до удобного момента. Она же стратег, а не так себе.

– А что там не так? – Илья наклонился в ее сторону, дотянулся губами до щеки, поцеловал. – Там у тебя какой генеральный, о-го-ого!

– В том-то и дело, что он на больничный ушел, месяца на два. Какие-то серьезные проблемы со здоровьем. Оставил за себя зама, но не очень верит в его силы. Просил меня подключиться. А ты же знаешь, что бизнес для меня – это смерть. Ты не мог бы?

– Катюша, как я туда явлюсь? В роли кого? – мягко перебил ее Илья, стоя все так же, согнувшись возле ее водительской дверцы. Его полупальто из кашемировой ткани широко распахнулось на груди, и ей тут же захотелось нырнуть туда руками. – Здравсьте, я от Кати?

– Вот! – ткнула она его пальчиком в грудь. – А я о чем? А мог бы явиться туда уже хозяином!

– Ой, скажешь тоже, – фыркнул Илья весело. – Женитьба на тебе не сделает меня хозяином, малышка. Я добросовестно буду править твоей фирмой по твоей доверенности, если ты, конечно же, мне доверишь. Но это потом. А сейчас как? Здравсьте, я люблю вашу хозяйку и поэтому...

– Балда, – блаженно улыбнулась Катя и оттарабанила по рулю какой-то победоносный марш. – Какой же ты балда, Илюшка.

Заявление о женитьбе, хоть и прозвучавшее не совсем так, как ей хотелось бы, все же прозвучало и в разы подняло ей настроение.

– Почему? – Илья ласкал взглядом ее красивое личико.

– Потому что сразу после свадьбы я перепису на тебя свой бизнес, милый!

– А вот это делать совершенно не обязательно. – Он посерьезнел, выпрямился, одернул полупальто, поправил рукава сорочки, перевернул часы циферблатом вверх, они все время соскальзывали. – Я же не на бизнесе жениться собрался, а на тебе.

– А собрался все же? – она чувствовала, что сейчас точно задохнется от счастья. – Собрался?

– Да. Я прямо сегодня, Катюш, сниму номер в гостинице. Потом соберу свои вещи. А завтра найму адвоката и потороплю, чтобы не затягивал с процессом.

– С каким? – ее голос дрогнул.

– С бракоразводным, малыш. С бракоразводным.

Он попятился, задел каблуком обледеневший камушек, оступился и, неуклюже взмахнув руками, растопырил ноги, пытаясь сохранить равновесие. И тут же недовольно сморщился, поняв, что выглядит нелепо. А нелепо Илья выглядеть терпеть не мог, Катя знала. Поэтому она сделала вид, что не заметила этих танцев на обледеневшем бордюре. Помахала ему пальчиками и поехала домой. Ее уроки в школе закончились еще час назад. Так что она могла в тишине спокойно помечтать о счастливом будущем, которое, кажется, уже не за горами.

Глава 3

– Ирка, ну ты даешь! – восхищенно выдохнул молодой парень, наблюдая за эротическим танцем высокой худой женщины. – Развяжи меня немедленно, слышишь! Развяжи, маленькая дрянная девчонка! Я сейчас тут все разнесу к чертовой матери!

Сильное мускулистое тело задергалось на ее кровати. Но она внимания не обратила на угрозу. Это была часть игры. Игры, которую они спланировали еще пару дней назад. И хихикали, как дети, и возбужденно задыхались, придумывая все новые и новые фишки.

Конечно, возжелай ее молодой любовник по-настоящему, он бы в три минуты освободился от атласных лент, стягивающих его запястья и щиколотки. Он бы, с его дикой силой и необузданностью, разнес тут все к чертям собачьим. И кровать перевернул, и витую кованую спинку согнул.

Но он здесь был не за этим. Он пришел за удовольствием. А удовольствие надо выстрадать, выждать. Поэтому и ругался он все больше по сценарию, а не на самом деле. А Ирка, похотливая стерва, от сценария отступила и вытворяла такое, что он сейчас от сладостной боли, которой свело низ живота, сознание точно потеряет.

– Мой малыш ждет меня? – промурлыкала Ира и стащила с себя левый чулок. – Ждет? Не слышу!

– Да-да, иди уже сюда! Ну!

Она сделала шагок, другой, и тут, черт побери, зазвонил телефон. Ее телефон, не его. Он-то свой отключил, как она и просила. А вот она...

– Какого рожна?! – возмутился он. – Мы же договаривались, Ир! Это что, импровизация?

Какая там импровизация. Ирка тут же согнала с лица томную похоть, сделалась сухой и властной, какой всегда бывала на работе, и схватила с тумбочки под зеркалом свой мобильник.

– Кира звонит, – удивленно выгнула она нижнюю губу. – Я же ее предупредила. Что-то случилось?

– Ир, забей, – простонал парень и покосился вниз. Предмет его гордости и Иркиного вождения увял, поник. Он забеспокоился. – Иди сюда! Иди сюда немедленно!

– Заткнись, малыш, – беззлобно огрызнулась Ира и нажала кнопку приема. – Да, Кир, что случилось?

Он со вздохом принялся освобождаться от атласных лент, понимая, что, если чем-то их свидание и закончится путным, игрищ все равно уже не будет. Освободившись, он сел рядом с Ириной на краю кровати и прислушался.

Киру он, конечно же, знал. Она проводила с ним собеседование при приеме на работу. И именно она порекомендовала его принять. И, кажется, без ее рекомендации он в койку к хозяйке фирмы вряд ли бы попал. Кира ему даже немного нравилась. Среднего роста, русоволосая, зеленоглазая, она обладала приветливым нравом. Он лично за все пять лет, проведенных на фирме, ни разу не слышал, чтобы она повышала на кого-то голос.

Но сейчас Кира не просто повысила голос. Она орала, верещала, визжала и, кажется, захлебывалась слезами.

– Кира, возьми немедленно себя в руки, – неуверенно приказала Ира и покосилась на своего молодого любовника. – И объясни внятно, что стряслось.

– Он ушел! Ирка, он ушел! – всхлипывала Кира.

– Кто?

Ира старалась говорить спокойно, но он-то видел, что спокойствие дается ей с великим трудом. Лоб прорезали морщины, вокруг рта обозначились складки, а тонкогубый, неподражаемо сексуальный рот тут же прошептал: «Мразь».

– Как будто ты не знаешь! – закричала Кира снова. – Илья ушел!

– Куда ушел? – ровно и без эмоций будто бы спросила Ира, а морщинки на лбу сделались глубже. Видно было, что истерика подруги ее зацепила. – Ушел – вернется.

– Ир, ты что, дура?! Ты что, под кайфом, я тебя спрашиваю?! – зашлась в крике Кира. – Он насовсем ушел! От меня! Собрал вещи и съехал! Сказал, что снял номер в гостинице! Но зачем все это, Ир? Зачем? Господи, я умру от горя, Ирка!

Ира тут же вскочила с кровати и принялась мерить шагами свою просторную спальню. Разгуляться было где. Спальня метров тридцать, а то и больше. Как была, без трусов и без лифчика, в одном чулке, Ирка ходила от окна к двери мимо спинки кровати и говорила властно и непримиримо, как будто на совещаниях. И парня это неожиданно возбудило даже сильнее, чем ее эротический танец.

– Во-первых, ушел – и черт с ним! – резанула сразу Ира. – Я давно говорила, что он гад! Ты прослушала, и ладно. Во-вторых, не ты первая, не ты последняя. Все мужья рано или поздно уходят, закон каменных джунглей. Выживает с нами сильнейший. Среди этой братии сильнейших нет. Одна слякоть! В-третьих, прекрати истерику. Выпить у тебя чего-нибудь путное есть? Если нет, то что купить?

Что ответила Кира, он теперь не слышал. Ира просто кивнула, отключилась, швырнула телефон на кровать. Подперла тощие бока, которые ее совершенно не портили, а как раз наоборот. Глянула на любовника требовательно, как начальница, и произнесла:

– Форс-мажор, малыш. Придется сделать это по-быстрому.

– Я поеду с тобой, – заявил он, застегивая штаны после пятнадцати минут горячего секса.

– С какой стати? – Ирина заинтересованно округлила глаза. – Там слюни бабьи, сопли. Там горе у человека, в конце концов. Во всяком случае, она так считает. Я-то другого мнения. Я думаю, что ей повезло. Тебе там не место, малыш.

– Я с тобой, – повторил он, застегивая рубашку, и глянул строго. – И я не малыш!

Они заехали по дороге в супермаркет и закупили всего. Бутылку виски отменного, три бутылки дорогого белого вина. Ирка зачем-то прихватила и шампанское. Апельсинов две сетки, большущий ананас, замороженных стейков семги, что-то на салат. И громадную буханку какого-то ароматного хлеба с зажаренной корочкой, обсыпанной злаками.

– Будем праздновать, – заявила она, тормозя возле дома Киры. И зябко поежилась. – Если, конечно, получится.

Дверь в квартиру Киры была не заперта. Они осторожно вошли, Ирина позвала подругу по имени. Та не откликнулась.

– Черт, – выругалась Ирина и прикусила нижнюю губу, которая чуть подрагивала. – Кира, где ты, детка?

Он прислушался. Откуда-то из недр квартиры доносилась горестное сопение.

– Идем, – потянул он Ирину за рукав, кивнув в сторону дверного проема. – Она там.

Швырнули пакеты у двери, стащили обувь, сняли верхнюю одежду и пошли на Киркино сопение.

– Оба-на! – всплеснула руками Ирина и шлепнула себя по худым бедрам. – Это как называется, детка?

Кира сидела в углу гостиной на полу, подтянув к подбородку колени. Перед ней в радиусе метра был рассыпан какой-то мусор. Они не сразу сообразили, что это изорванные в клочья фотографии. Ее семейные фотографии.

– Кира, здравствуй, – поздоровался он и шагнул вперед Ирины. – Я приберу тут?

И принялся широкой ладонью, как совком, сгребать в кучку останки семейных снимков.

– Виталик? – Кира подняла голову, удивленно моргнула раз-другой. Лицо опухшее, красное, слезы на глазах. – Ты как тут? Ир, ты что, его из дома вызвала? Но зачем? Не надо было.

– Заткнись, Степанова, – вяло приказала Ирка, усаживаясь в широченное кресло как на трон. – Никого я ниоткуда не выдергивала. Твой звонок застал нас на самом интересном месте.

- В смысле? Где? – Кира переводила непонимающий взгляд с подруги на Виталика.
- В постели, детка. В постели, – почти весело фыркнула Ирка.

Она решила во что бы то ни стало отвлечь подругу от ее беды, поэтому готова была выболтать про себя все-все, хотя никогда этого прежде не делала. Никогда не называла имен и фамилий своих любовников. Кира не спрашивала, она и не называла. Но раз уж Виталик увязался с ней, раз уж такие дела, то пускай подруга начнет ее осуждать, что ли. Все же лучше, чем корчиться от боли.

– Ты с ним спишь? – прошипела Кира и замерла с открытым ртом, наблюдая, как Виталик, собрав ключья фотографий в кучу, начинает лепить из нее огромный комок. – Ты спишь со своим подчиненным???

– А почему нет? – Ира беспечно дернула плечами, закинула ногу на ногу, шевельнула аккуратными пальчиками. – Он хорош, Кира. Он неподражаемо хорош. Это лучшее, что со мной...

– Ничего, что я здесь? – прокашлялся Виталик, комкая фото семейного счастья Киры в бумажный шар.

– А тебя никто не звал, – огрызнулась Ирина беззлобно. – Раз навязался, будешь слушать. Еще и не то услышишь, это я тебе обещаю!

С великим трудом им удалось вытащить Киру из ее угла. Они пошли в кухню, принялись готовить ужин, запивая аромат запекающейся рыбы вином. Кира почти не закусывала и быстро пьянела. И несла бог знает что. Виталик и представить не мог, что она способна на такую ненависть. У нее аж зубы скрипели, когда она произносила по буквам имя своей соперницы. И взгляд становился стеклянным, когда она грозилась прервать безоблачное счастье мужа и коварной разлучницы.

– А нехай, пускай живут, Кир, – пьяно хихикала Ирина, ковыряясь вилкой в салате, который приготовил Виталик. – Они тебе нужны?

– Убью! Я все равно ее убью, Ир! – шипела пьяная Кира, без конца роняя вилку и нож на пол. – Или его, или ее!

– Лучше уж его! Мотив налицо – он сделал тебе больно, – Ирина гладила подругу по спутавшимся волосам.

– Они оба! И она! Она сделала больно! Не будь ее...

– Была бы другая. Поверь мне, детка, была бы.

Кира отключилась через час. Виталик отнес ее в гостевую комнату. В спальню Ирина не велела.

– Когда проснется одна, ей станет очень плохо, – проговорила она со вздохом, застилая гостевой диванчик. – Завтра выходной, она проснется одна в супружеской постели. Пусть лучше здесь. Господи, не наделала бы глупостей!

Они прибрали в кухне, вымыли посуду. Захлопнули входную дверь. Пока ждали лифт, Ира вдруг сказала:

– Знаешь, а классик был неправ, утверждая, что все несчастные семьи несчастливы по-своему. Неправ!

– Почему?

К стыду своему, Виталик не помнил имя этого классика. И даже не понял, о чем речь. Не потому, что был тупым, а потому, что читал другие книги. А еще потому, что у него в жизни были другие приоритеты. В конце концов, у него у самого была когда-то несчастливая семья, и ему казалось, что другого такого несчастья в мире быть не может. Может, и прав был неизвестный ему классик, утверждая, что каждый несчастен по-своему.

– Потому что несчастливая семья – это всегда боль, всегда одиночество, всегда пустота, – продолжила Ирина, входя в кабину лифта.

– Согласен, – кивнул он после паузы, тут же вспомнив о себе. И глуховатым голосом закончил: – Это всегда боль. Всегда одиночество.

Глава 4

Зачем ему вообще был нужен отпуск? Да еще в конце ноября? Чем он мог заняться, интересно, в такое благодатное, по словам руководства, время? Позагорать на берегу местного водоема, порыбачить там же? Обалдеть как заманчиво.

– Сейчас тебе, Макаров, самое время для отдыха в такую лягушачью погоду, – убеждал его зам по кадрам, скупно улыбаясь. – В такую погоду даже уровень преступности снижается по статистике. Разве не так? Ты согласен?

Он в ответ молчал. Он согласен не был. Потому что ноябрь хорошим временем для отдыха не считал. И преступникам без разницы, когда гадить, в какое время года. Но возражать не стал: кто он такой, чтобы оспаривать решение руководства? Рядовой майор рядового отдела внутренних дел. Да и плюстик один крохотный имелся в сдвинутом на месяцы отпусков графике – он сможет новогоднюю ночь дома провести. Возникал только вопрос, с кем? И вопрос был серьезным, поскольку он больше трех лет жил один после развода. Знакомых было много, но...

Но две из них имели семьи и, соответственно, мужей. И значит, в новогоднюю ночь будут с семьями. А еще две знакомые отчаянно хотели отволочь его в ЗАГС. И если он пригласит кого-то из них к себе встретить Новый год, то и та, и другая тут же сочтут это хорошим предзнаменованием и потом целый год станут требовать кольца и предложения.

Он категорически не согласен!

Ладно, больше месяца впереди, определится с выбором.

Макаров со вздохом оглядел гомонящих посетителей торгово-развлекательного центра.

Народу-то, народу! Гул как в улье. Неужели всем что-то непременно надо купить? Много ведь и просто празднующихся. Он, едва переступив порог, с дюжину насчитал. И машинально отнес их к списку потенциальных правонарушителей. Здесь вообще, если внимательнее присмотреться, две трети были его клиентами. Кто по чужим сумкам и кошелькам глазами стрелял, кто откровенно хамил продавцам, кто задибался с посетителями. Двое повздорили из-за освободившегося места в кафе быстрого питания. Не оскорбляли друг друга, нет, но недружелюбно косились. Это Макарову не нравилось. Он считал, что с неприязни о-о-очень многое может начаться.

Заметив вывеску отдела мужских костюмов, он со вздохом направился туда.

Выбирать себе одежду он терпеть не мог. Когда жил с женой, этим всегда занималась она. Безошибочно угадывала даже размер обуви. Он послушно надевал, потом на службе отшучивался, когда раздавались завистливые вопросы.

Ну не летал он на выходные в Италию и в Париже на неделе высокой моды не был!

После развода все изменилось. Жена многие вещи, которые ему откуда-то добывала, забрала с собой. Зачем? Ответа не было. От ненависти, наверное. Они сложно расставались.

Макаров носил то, что осталось. Покупал обновки редко. За три года почти никогда. И ему было плевать, если честно. Но когда поймал на себе оценивающий взгляд той дамочки, что слетела на машине с дороги на его глазах, и уловил ее пренебрежительный вздох, сделалось неприятно. Потом явилась за ней ее подруга, и стало только хуже. Высокая, худая дама, сексуальная, с удивительно красивым лицом, оглядела его точно так же и точно так же вздохнула. Вернувшись домой, он долго стоял, не снимая куртку и «дутики», перед зеркалом. Долго себя рассматривал, пытаясь понять, что не так.

Когда понял, загрустил. Он в этом наряде выглядит как пенсионер дядя Коля с первого этажа. И «дутики» такие же. Такая же непонятного цвета длинная куртка. Или почти такая же. Надо бы изменить ситуацию. Времени в отпуске много. Деньги есть. Он пообещал себе и тут

же почти забыл. На пару недель забыл. А потом позвонила дочь. И сообщила, что желает его познакомиться со своим женихом.

– Женихо-оом? – протянул Макаров насмешливо, будто дочери не было девятнадцать и она никакого права не имела на личную жизнь. – Интересно, интересно.

– Папа, прекрати, – устало вздохнула Василиса. – Вы со своим разводом и так мне всю жизнь испортили. Давай хотя бы сейчас...

Она хотела сказать: «останешься человеком». Но не сказала. Но должна была. Так говорила ее мать при расставании. Она почему-то считала, что он сволочь. Беспринципная, гадкая сволочь. Дочка что же, по умолчанию тоже так считала?

Сделалось обидно. Это он счел несправедливым.

– Где и когда я должен быть? – деловито отозвался он, проглотив обиду.

– Через неделю, в субботу, в «Астре». – Дочь продиктовала адрес, который он знал наизусть, они там не один раз задерживали кое-кого. – В три часа дня. Не опаздывай!

– Понял. Буду. – И вдруг заволновался: – А что, так все серьезно, да? Ты никогда нас с матерью со своими парнями не знакомила.

– Это я тебя не знакомила, папа, – перебила его Василиса. – Мама была знакома с моими знакомыми.

– Угу. – И тут его обошла заботливая мама. – А чего же меня-то не знакомила раньше?

– А тебе все некогда было, пап. – Голос Василисы зазвенел. – Да и ты тоже со своими знакомыми меня не знакомил никогда.

Это она намекала на его женщин, как он понял. Жена в суде причиной развода назвала его многочисленные измены, хотя ничего такого и не было. А что было, она об этом знать не могла. И дочь вот теперь настроила.

– Ладно, проехали. Я буду.

– Да, пап, и оденься поприличнее. А то я тут недавно тебя видела из окна троллейбуса – ужас!

– В смысле?

– Ты одет как... – Она подыскивала слово, не нашла и попросила: – Оденься поприличнее. Хорошо?

– Хорошо, – пообещал он и простился с дочерью.

И вот сегодня, за день до встречи, Макаров явился в этот многолюдный торговый центр в надежде приодеться поприличнее, как велела дочка.

То ли он заранее себя настраивал на неудачу, то ли просто ему не хотелось никаких примерок, но с первых минут все пошло не так. Продащица стала прилипать с вопросами:

– Что за мероприятие у вас? Какое-то торжество? Какой костюм вы бы хотели приобрести? По какому случаю?

– Никакого торжества, – бубнил Макаров, меняя пиджак за пиджаком. – Просто на каждый день есть у вас что-нибудь? Для офиса, к примеру.

– Боюсь, что не смогу вам помочь, – огорчилась вдруг девушка. – Согласитесь, наша коллекция очень...

По нему, так их коллекция была не очень. Все из каких-то сверкающих, лоснящихся тканей. Он в этих пиджаках выглядел как леденец облизанный. Макаров ушел из бутика, пошел путешествовать по соседним. Что-то снова примерял, что-то из одежды покупал, потом обувь. Снова примерки, снова навязчивые вопросы и приторная угодливость.

– Все, – выдохнул он шепотом, выходя из последнего отдела мужских сорочек. – На этом все...

Он посмотрел на свои покупки. В каждой руке по четыре пакета, битком набитых одеждой и обувью. Нашлись средства даже на приличный пуховик в одном из спортивных отделов.

Коротенький, стильный, молодящий его до невозможности. Даже у юной пигалицы, что его обслуживала, глаз загорелся.

– Вам так идет, – проговорила она, колдуя над мудреными застежками на пуховике. – Давайте я вам зимние кроссовки под него подберу?

Вот лиса, а? Подобрала ведь. Да такие, что Макаров их снять не захотел и прямо в них и пошел. И в новом пуховике, заставив девушку срезать все бирки. А «дутики» со старой противной курткой оставил в магазине.

– Но нам не надо, – растерянно моргала девушка.

– На выброс, малышка. На выброс.

И пошел в бутик, где ему подобрали пару невозможно модных джемперов, потом пару зимних замшевых ботинок, якобы из новой коллекции, потом еще были сорочки, новые джинсы, пара брюк. Голова закружилась! И отчаянно захотелось чего-нибудь съесть. Какую-нибудь громадную куриную ногу, зажаренную на гриле, или полдюжины куриных крылышек с острым соусом. Или котлету, зажатую булкой с листьями салата и луковыми кольцами. Он слюной чуть не захлебнулся, подходя к кафе быстрого питания. И чертыхнулся, не обнаружив ни единого свободного места. Развернулся и побрел в сторону другой кафешки, подороже. Там следовало раздеваться, делать заказ официанту. А у него под новым пуховиком старая кофта с растянутыми рукавами на локтях. Эх, надо было новый джемпер после примерки на себе оставлять. Ладно, переживут присутствующие его растянутые рукава, он жрать хочет!

До двери в кафе, стилизованной под телефонную будку, он не дошел. Метра два не дошел. Почему? Потому что на него налетела чокнутая баба, едва не свалила с ног.

– Вы бы смотрели, куда бежите, – выпалил со злостью Макаров, поправляя в руках пакеты с вещами и наблюдая даму с затылка.

Она стояла к нему спиной, не делая попыток повернуться, и рассматривала вход в кафе.

– Эй, вы меня слышите?

И легонько тронул за плечо.

Ему бы пройти мимо. Просто обойти женщину и двигать дальше за уютный столик, где ему предложат меню в красивой кожаной обложке. Просто пройти мимо... Но он же мент! Ему больше всех надо! Поэтому, наверное, Макаров обошел ее, глянул в зареванное лицо и спросил, чего делать было совершенно необязательно:

– С вами все в порядке?

– А? Что? – Она дернулась, будто по лицу ее хлестнули, отпрянула, оглядела его шальными глазами с головы до ног и пробормотала скороговоркой психически нездорового человека: – А вас и не узнать. Надо же, никогда бы не узнала. Ирка права была, говоря о вас.

– Эй, мадам, с вами все в порядке? – не понял он, о чем она говорит.

Нет, а что? Женщина в самом деле походила на сумасшедшую. Вся какая-то растрепанная. Носы замшевых ботинок, выглядывающих из-под джинсов, в грязи. Кожаная куртка застегнута не на те пуговицы. Один конец шарфа внутри, за пазухой, второй мотается чуть не под коленкой. Волосы взъерошены так, будто она только что выбралась из постели. Лицо опухшее, зареванное.

И вот тут Макаров узнал ее. Хотя было сложно. Та дамочка, которую он почти волоком тащил из кювета после аварии, была много интереснее. И в руках себя держала. И даже потом, когда первый шок прошел, пыталась как-то шутить.

Что сейчас-то с ней случилось? Откуда она вынырнула?

– Черт! Это вы?!

– Я это. А это вы, – Ее взгляд, как прикованный, не отлипал от входа в кафе.

– Что с вами стряслось? – для чего-то поинтересовался Макаров, хотя ему следовало напрямик двигать в кафе и уже заказать себе что-нибудь, есть хотелось все сильнее. – Вам нехорошо? Может, врача?

– Он поможет мне вернуть мужа? – все так же лихорадочно выплевывая слова, спросила она.

– А что с вашим мужем? – снова неуместный вопрос. – Он умер?

Нет, вот оно ему надо? Шуруй за стол, умник! Съешь тарелку харчо, выпей кофе с пирожными.

– Лучше бы умер. – Женщина всхлипнула и кончиками пальцев стерла слезинку. – Лучше бы он сдох, чем так вот...

– Понятно.

Макаров недовольно поморщился. Ситуация прояснялась. Муж, видимо, от нее ушел, и она теперь горько об этом сожалеет. Хотя, на его взгляд, зря. Те два часа, что они провели на обочине в его автомобиле, поджидая ее подругу, о многом ему сказали.

Муж за ней не приехал, сославшись на занятость. Это нормально? Жена чудом спаслась, а он на совещании! И потом за два часа ни разу не позвонил. Хотя бы для того, чтобы узнать: уехала она с места ДТП или нет?

Макаров еще тогда подумал о нем: засранец. Не ошибся, надо же.

– Вы бы не переживали так, – сказал он напоследок и шагнул в сторону. – Он того не стоит.

И пошел, не оборачиваясь, к входу. Но снова не дошел. Она догнала его, вцепилась в рукав новенького пуховичка, дернула с невероятной силой, разворачивая на себя. И зашептала, глядя ему в глаза:

– Помогите мне, слышите! Помогите мне! Вы должны мне помочь, раз уж взялись!

– Каким образом? – Макаров нахмурился, покосился на ее руку, комкающую новенькую ткань рукава.

– Извините. – Она расцепила пальцы, уронила руки вдоль тела, голова ткнулась подбородком в грудь. Женщина прошептала снова: – Извините. Я веду себя как ненормальная, да?

– Есть немного. – Он переминался с ноги на ногу. – Вы тоже меня извините, но я очень хочу чего-нибудь съесть. Не составите мне компанию?

– Вы туда?! – Она глянула из-за его плеча на вход в кафе. Замотала головой. – Я не могу! Они там! Муж и его...

– Понятно. Тогда я пошел.

И он сделал еще одну попытку отойти от нее. И снова безуспешно. Женщина повисла у него на рукаве.

– Послушайте... – Макаров начал терять терпение. Да еще забыл, как зовут эту ненормальную. – Вам необходимо взять себя в руки. Шарф поправьте. И застегнитесь правильно.

– А? Что?

Она опустила глаза, вспыхнула и тут же принялась нервно дергать пуговицы, вытаскивая их из петель. Руки трясутся, губы что-то беззвучно шепчут.

«Жалкое зрелище», – фыркнула бы бывшая жена Макарова, всегда считавшая себя сильной женщиной.

А Макарову вдруг сделалось жаль эту несчастную. Несколько недель назад, чудом оставшись в живых, она выглядела лучше. Выглядела много уравновешеннее. А сейчас раздавлена, уничтожена. Он, возможно, выглядел почти так же, когда жена три года назад оставила его без предупредительных выстрелов. Даже за стол переговоров не пригласила, как возмущался потом Макаров. Он бы, может, и согласился на ее условия. Она просто не дала ему ни единого шанса все исправить.

Здесь ситуация аналогичная. Шансов у этой растрепанной дамочки, видимо, просто нет. И когда он все же втащил ее в кафе – она и не думала от него отставать, а Макаров очень хотел поесть – и увидел ее мужа со спутницей, то тут же приговорил растрепыша, повисшего на его руке.

Шансов у дамочки не было никаких.

Девушка, которая сидела лицом ко входу, была чудо как хороша. Белокурая, свеженькая, с невероятно красивым личиком, изящными ручками и ножками, обутыми в длинные сапоги на тонких шпильках. И мужа растрепыша, судя по влюбленному взгляду, отпускать к законной супруге не собирается.

– Вы их видите? – прошептала Кира, он все же вспомнил ее имя.

– Вижу, – так же шепотом ответил Макаров.

Она успела описать ему своего неверного супруга. Он его узнал и тут же потащил неожиданную спутницу в противоположную сторону.

– Пусть сидят, не обращайтесь внимания.

– Она... Она красивая? – со всхлипом поинтересовалась Кира, усевшись спиной к парочке.

Это Макаров настоял, сунул ее именно на это место. Сам сел напротив, распахав по соседним стульям свои покупки.

– Она красивая? – снова зашептала на истеричной волне Кира.

Он задержался с ответом, потому что не знал, что сказать. Она же девушку увидеть может в любой момент. Стоит только голову повернуть. Макаров неопределенно подергал плечами, взял из рук подоспевшего официанта меню и принялся зачитывать Кире список блюд.

– Я ничего не хочу, – замотала она головой.

– Вы когда последний раз ели?

Он лично три года назад, когда его жена подло от него сбежала, попутно прихватив все его модные вещи, поел на третий день. Поел по настоянию одной своей замужней знакомой, взявшейся на тот момент его опекать. С домашними котлетками к нему пришла, с супом гороховым.

– Я не помню.

– Вот! А есть надо. Я закажу вам что-нибудь?

Она не отозвалась, о чем-то напряженно размышляя.

И Макаров принялся заказывать. Ей заказал какой-то сырный супчик, себе солянку. Ей легкий салатик. Себе мясной, двойную порцию. Потом еще какого-то мудрено обозначенного в меню мяса, чайник чая с пирожными.

– Первые блюда будут сразу, – затараторил официант. – Мясо в течение получаса, салаты...

– Да понял я, – перебил его, поморщившись, Макаров. – Несите суп.

Принес минуты через четыре. Макаров заставил Киру взять в руки ложку и, строго глянув, приказал есть. Удивительно, но послушалась. Съела почти все. И в салате потом повозилась вилкой, что-то сжевала. От мяса отказалась категорически. Чай пила, обхватив чашку ладонями, уставив немигающий взгляд в какую-то точку над головой Макарова.

О своем муже и его спутнице, казалось, позабыла совершенно. И Макаров, доедая последнее пирожное, почти успокоился. Почти поверил, что пронесло.

Ан нет, не пронесло.

Парочка поднялась из-за своего столика. Девушка в полный рост оказалась еще краше – стройная, длинноногая, с тонюсенькой талией. Да и этот неверный Кириин муж тоже ничего, нехотя признал Макаров, настороженно отслеживая передвижения влюбленных. А те, вместо того чтобы идти напрямую к выходу, зачем-то двинулись к барной стойке. И путь их лежал как раз мимо столика, за которым насыщался Макаров и допивала чай с отсутствующим видом Кира.

Когда они проходили мимо, Кира еще ничего не поняла. Просто скользнула пустым взглядом по девушке и отвернулась. Но через мгновение...

– Ты?! Ты посмел ее демонстрировать мне, сволочь?!

Макаров пропустил тот момент, когда она сорвалась с места и вцепилась в мужа со спины, начав сдирать с него короткое пальто. Не ожидавший нападения супруг покачнулся, перепугался, резко развернулся и побледнел.

– Кира! Кира, успокойся! Я умоляю тебя!!! – громким шепотом принялся он ее уговаривать, виновато оглядывая посетителей кафе, рассматривающих с любопытством пикантную сцену. – Давай не здесь.

– Позора публичного боишься, гад?! Да?! – Кира еще повысила голос, тут же повернулась к девушке. – О, конечно! Она молода и красива! Слышишь, ты... Надеешься вечно оставаться молодой, да? Вечно молодой и красивой?

– Не надеюсь. – Девушка с растерянной улыбкой качнула головой. – Это невозможно.

– Зря так думаешь! – И Кира, о господи, плюнула ей в лицо. – Могу устроить тебе вечную молодость и красоту!

Макаров быстро отсчитывал деньги по счету, хватал со стульев свои пакеты, новенький пуховик, куртку Киры. Надо было срочно смыться из этого публичного места, где эта ненормальная устроила спектакль.

Вот дура!

– Каким образом? – улыбнулась девушка мягкой, жалеющей улыбкой. – И как же вы это сделаете?

– А я...

Кира резво сместила свои руки с пальто мужа на тонкую норковую куртку девушки, подтягивая красавицу к себе поближе. Та не сопротивлялась. Почти. Послушно наклонилась. Соперницы сошлись лбами. И Кира произнесла. Вроде и тихо, но Макаров услышал.

– Я убью тебя, гадина, – прошептала Кира, судорожно дыша. – Так и знай, я убью тебя! Я не дам вам насладиться безоблачным счастьем. Не дам!

Глава 5

– Что? Что ты сделала? – Ирка округлила глаза, влипла спиной в спинку своего начальственного кресла. И повторила вопрос: – Ты угрожала ей убийством? Я правильно поняла, Кира?

– Да. – Кира опустила голову, жалко пропищала: – Сама не знаю, что на меня нашло.

– То есть ты публично в присутствии полутора десятка свидетелей, включая этого мерзавца Илью и твоего спасителя, угрожала своей сопернице убийством?

Лицо подруги пошло красными пятнами. И она заорала громко, так громко, что ее стало слышно Виталику, ожидавшему у двери в приемной. Он поморщился, покосился на секретаршу, усиленно делавшую вид, что жизнь за дверью кабинета директора ее совершенно не волнует. Но равнодушие это было показным, он не сомневался. Минут через двадцать станет пересказывать в курилке каждому все, что услышала. Давно советовал Ирине от нее отделаться, та все медлила. Утверждала, что работница хорошая. А по его мнению...

– Ты хоть понимаешь, дура, что ты натворила? Ты хоть понимаешь, что, если с ней что-то случится, тебе несдобровать? Тебя первую схватят, потому что ты угрожала!!! Господи, Кира, что ты наделала?!

Ирка так орала, что слышно было, наверное, не только в приемной. Лоб Виталика покрылся испариной. Хотелось вмешаться и все прекратить.

Разговоры же пойдут, ну!

– Конечно, я не собираюсь ее убивать, – слабо оправдывалась Кира. – Сама не знаю, что на меня нашло. Просто, Ир, она такая...

– Какая?!

– Красивая, молодая, модная!

И Кира разревелась. В голос, громко, по-бабьи. Виталик брезгливо поморщился. Он не терпел слабых женщин – вечно ноющих, размазывающих сопли и слезы, вечно жалующихся. Ирка принялась ворковать над подругой. Виталик понял, что это надолго. Решил уйти к себе. Но Ирка неожиданно быстро свернула.

– В общем, так, детка, – покровительственным тоном заявила она. Загрохотали стулья, потом шаги в сторону дверей, две пары шагов. – Ты сегодня берешь отпуск и летишь отсюда куда-нибудь подальше. Туда, где тепло, красиво, где море.

– А работа?

– Переживу без тебя пару недель как-нибудь. У тебя с делами полный порядок?

– Да.

– Вот и славно. Не люблю за тебя никого оставлять. К тому же доверяю только тебе. Да еще грядет оптимизация, а это... Сама понимаешь!

– Да уж! – воскликнула Кира с горечью. – За каждой фамилией в приказе семьи, судьбы, дети.

– А что делать, детка? Приходится быть жесткими, чтобы выжить.

Ира приоткрыла дверь, Виталик шагнул назад, заслоня своей спиной вытянутую шею секретаршу. Подруги вышли из кабинета. Ира – в стильной кожаной юбке, кожаной жилетке, в тонком кашемировом джемпере. Красивые туфли, безупречная прическа. Виталик залюбовался.

Ему так повезло! Он даже не мог мечтать, что такая женщина станет его...

– Ты чего здесь, Илов? – Ира холодно глянула на молодого любовника. – Мало работы? Скажи, загружу!

– Вообще-то я по делу, – соврал он, разозлившись.

Выделяется, а почему?! Перед подругой? Перед секретаршей? Противно. А ночью как стонала! Как просила его...

Дрянь все же! Перешагнет через него, глазом не моргнет. И другого, такого же как он, через час в постель затащит. Их у нее в штате десятки. Она одна, а их – много.

– Потом, Илов, все потом, – небрежно шевельнула пальчиками в его сторону Ирина и обернулась к Светлане. – Детка, вызови ко мне Лосева. Срочно! Да, Кирюша, еще кое-что хотела тебе сказать...

И, понизив голос до шепота, Ирина обняла подругу и повела ее прочь из приемной. Виталик замешкался и тут же пожалел об этом. Змея Света не преминула уколоть.

– Ты что, не слышал, Илов? Работать иди! – прошепелявила она сквозь шоколадную конфету, раздувшую ей щеку. И тут же в телефонную трубку: – Лосев? Иван? Срочно к Ирине Ивановне. Я не знаю зачем. Срочно!

Виталий вышел из приемной. Перед глазами носились темные туманные клочья. Будто офисный коридор захватили потусторонние силы, заполнили его призраками. Он не заметил, как принялся больно, почти до крови кусать губы. Дурная привычка, оставшаяся с детства. Что его так взбесило? То, что Ирина демонстративно дистанцировалась от него в присутствии Киры и секретарши? Или то, что вызвала к себе Лосева?

Лосев. Лосев. Лосев.

Иван Лосев – рядовой программист на их фирме. Не начальник отдела, даже не заместитель. Зачем он ей? Что ему делать у Ирины? Он же никто. Никакой специалист. Нареканий много к его работе, Виталик знал.

Может, она вызвала его к себе не из-за его профессиональных достоинств, как мужика?

Лосев не вылезал из качалки. Его мышцам и тугому прессу завидовали многие. Виталик – нет, у него у самого этого добра навалом. Но многие парни, одрябнув телами к тридцати пяти годам, завидовали. Еще что в нем? Мордой вышел. На Бандераса похож, такой же жгучий, сексуальный. Ирка всегда утверждала, что не любит брюнетов, и вдруг вызвала Лосева к себе.

– Непонятно, – пробормотал Виталик, входя в свой кабинет. – Совершенно непонятно...

– Где был?

Из-за соседнего стола в кресле выкатилась Нинуля, его помощница. Молодая мамочка веселого трехлетнего карапуза, которого родила сама затрудняется сказать от кого. Мужа у нее не было. Личной жизни после рождения ребенка тоже. Вот она и цеплялась к Виталику, стерегла от посягательства других особей женского пола. Плюс оберегала от голодной офисной смерти, подкармливая домашними котлетами и выпечкой.

Если бы не Ирина, сделавшая его своим любовником несколько месяцев назад, он бы точно с Ниночкой был. Она была славной, милой, симпатичной. Фигура потрясающая, ноги красивые. Если бы Ирка вдруг немного обросла мясом, точь-в-точь стала бы походить на Ниночку. Фигуры практически одинаковые, только Ирка худая, а Ниночка – аппетитная.

– В приемной, – ответил Виталик нехотя и покосился на ее ноги.

Ниночка сегодня была в короткой тесной юбочке, черных колготках и удивительно изящных ботах. Высокую грудь теснил крохотный пиджак на одной пуговке. Под ним прозрачная блуза в обтяжку.

Сексуально, что сказать. Виталик с сожалением вздохнул.

Ирка, конечно, дрянь. Собака на сене. Его публично унижает, воли не дает. За измену, сказала, покарает так, что он век помнить будет. А он помнить такое не хотел. И слушался. А Ниночку бы сегодня с радостью проводил до дома. Она с утра что-то такое лопотала про сына Степку, которого бабушка забрала к себе на недельку. Ниночка, стало быть, свободна.

Свободная и голодная! Ее взгляд не оставлял сомнений.

– И что там, в приемной? – с тяжелым вздохом поинтересовалась Ниночка.

Она то ли знала наверняка, то ли догадывалась о его романе с директрисой.

– Ничего. Кира ревет белугой. Муж от нее свалил. – Виталик мог с ней откровенничать, Ниночка не подвела ни разу. – Глазунова ее утешает. Какая-то гадость готовится.

– В смысле? – Ниночка побледнела.

– Оптимизация рабочих мест, – зло фыркнул Виталик, пододвигая к себе папку с квартальными отчетами. – Так это теперь называется.

– Бли-иин, – простонала помощница и покусала нижнюю губу. Прямо так же, как и он давеча. – Меня точно вышвырнут, Виталь!

– С чего ты решила? – Он взгляделся в ровный столбик цифр последнего отчета, интуитивно уловил одну неточность. – Откуда такая уверенность?

– Эта тарань меня ненавидит, – шепнула Ниночка, опасливо косясь на дверь. – Она вообще баб терпеть не может. Странно, что с Кирой дружна столько лет. Наверное, потому, что та посредственность.

– А Кира посредственность? – удивленно отозвался Виталик. – Я бы не сказал. Она... Она хорошая.

– Она хорошая курица, Виталь. Вся какая-то вечно лохматая, растрепанная, неухоженная. Внешние данные неплохие, но...

– Да? Не знаю.

Он с сомнением качнул головой. Кира всегда казалась ему приятной. Да, в ней нет той сексапильности, которая из Ирки брызжет, но она все равно хороша собой.

– Какие же вы, бабы. – Виталик тихо рассмеялся. – Вам на язык лучше не попадаться.

– Может быть, может быть. – Ниночка улыбнулась, въехала в кресле обратно за стол, со вздохом вцепилась в бумаги. Забубнила: – Но я лично нормальная. Не то что эта. Такая стервь, мама не горюй! Она точно меня уберет. Господи, куда я потом? У меня же Степка! Она точно меня уберет!

– С чего ты решила? – Он разозлился, бормотание отвлекало его от явной ошибки в отчете, которую допустила Ниночка, между прочим. А он не проверил. – Она и меня уберет запросто. И глазом не моргнет.

– Да ладно, Виталь. Она по тебе слюни давно пускает, – отмахнулась помощница, жадно оглядев его широкие плечи, крепкие руки. – Может, уже и того, а? Чего краснеешь? Спишь с ней?

– Дура ты, Нина, – беззлобно отозвался Виталик и поморщился, вспомнив. – Она вон Лосева к себе зачем-то вызвала.

– Лосева? Ваньку? Зачем?

Вот! И ее, стороннего наблюдателя, тоже это удивило. Потому что этому мачо местного разлива нечего было делать у директора. Не тот уровень. Если только Ирка не собиралась втащить его в свою койку этим же вечером. Но если она так поступит! Тогда он...

Он вот возьмет и сегодня к Ниночке отправится.

– У него спроси, – ухмыльнулся Виталик и уставился на ее грудь. – Хороший пиджачок, Нинуль.

– Спасибо. – Она покраснела. Встала с места, поправила юбку и шагнула к двери со словами: – А пойду и спрошу! И если она с ним того, то...

– То что?

Он вдруг понял, в чем суть ошибки в отчете, и удивился. Это можно было сделать только умышленно. Чтобы потом подставить кого-то. А кого? Его? Или финансистов? Или Ирку перед проверяющими?

– Если Лосев сегодня с ней, то ты сегодня со мной, – пропела Ниночка и исчезла за дверь.

О-ба-на! Стало быть, она все о них знает. А для других это тоже не тайна? Их роман обсуждался в курилке? В том месте, куда стекались все офисные сплетни? Если так, то почему

для Киры это оказалось новостью? Потому, что она дальше своего носа не видит, нашелся тут же ответ. Потому, что Ниночка права, Кира просто курица. Потому и мужа профукала. И если бы не дружба с Ирккой, давно и работы такой козырной лишилась бы.

Интересно было бы взглянуть, на кого поменял Киру ее импозантный супруг. Замена-то хоть достойная?..

Глава 6

Илья сидел в глубоком кресле возле окна, с удовольствием потягивал скотч из низкого толстостенного стакана и наблюдал за тем, как, громяхая посудой, накрывает стол Катерина домработница Клава.

В пожилой крупной женщине не было и тени привлекательности. Она, видимо, всегда была такой, решил он через пару минут. С кряжистой тяжелой фигурой, как старое дерево. Несимпатичным лицом, изрытым оспинами. Редкими волосами, теперь поседевшими, затянутыми в крохотный узелок на макушке. И угрюмой она была всегда, и молчаливой, решил Илья еще через минуту, поскольку Клавдия не шла с ним на контакт и даже односложно не отвечала на его вопросы.

Вопросов было всего два.

На первый, приглашен ли к ужину кто-то еще, Клавдия ответила коротким кивком. На второй, кто это, вообще не ответила.

Они не поладят, понял Илья еще через пять минут. Эта старая ведьма будет ему гадить, плевать тайно в его тарелки и изводить сплетнями Катерину.

И так будет всегда. И никогда не кончится! Во всяком случае до тех пор, пока эта старая ведьма будет жить в этом доме.

Он ее тут видеть не хотел. И не станет терпеть! Кате придется выбирать: либо он, ее любимый мужчина, – либо Клавдия, ее любимая нянька.

– Милый, как я?

В столовую ворвалась Катя. Прохладным летним ветерком ворвалась, который он так любил. Особенно когда он дул с моря. Особенно когда в распахнутые окна его номера, в котором все красиво – от стен до циновок под ногами у широченной кровати.

Катерину он мог точно сравнить с таким вот благодатным свежим дуновением, разбудившим в нем задремавшую чувственность, потухшую в постели с Киной страсть.

Высокая, стройная, с безупречной прической и макияжем, в восхитительном модном платье цвета бирюзы, домашних туфельках на низком каблучке.

– Потрясающе, малыш, – выдохнул он, не соврав. – Ты потрясающе выглядишь.

Катя наклонилась к нему, нашла своим ртом его губы и звонко поцеловала. Звук поцелуя для Клавдии прозвучал как удара хлыста, свинцовый кончик которого просвистел над ее головой. Так, во всяком случае, показалось Илье. Потому что Клавдия вздрогнула и втянула старую башку в плечи.

Это никогда не закончится, едва заметно кивнул он сам себе головой. И с этим срочно надо что-то делать.

– Ты тут не скучал?

Катерина пристроилась на мощном подлокотнике кресла, в котором он сидел, навалилась грудью ему на плечо. И его это несколько не взбесило. Хотя он всегда трепетно стерег личное пространство. Даже от любимых женщин стерег.

– Все хорошо, малыш. – Он поймал ее ладошку, поцеловал. Кивком указал на красивый стол. – У нас гости?

– У нас гости, – пропела она, немного передразнив его.

– И кто?

Он не обиделся на ее дразнилку. У девочки отличное настроение. Пускай порезвится. Она, в сущности, еще ребенок. В сравнении с его бывшей, во всяком случае. Кире сорок, а Кате всего-то двадцать девять лет. Она малышка просто. Милая, непосредственная. Не такая умная, может, как Кира. А оно ему и не надо. Хватило ему ума и прозорливости в первом браке

за глаза. Он устал от этого. Теперь куда приятнее беззаботная болтовня, нежели серьезная рассудительность.

– Кто в гости приглашен? Почему я не знаю? – Он незаметно от Клавдии погладил любимую по бедру.

– Я хотела тебе сделать сюрприз.

– И все же?

Илья покосился на Клавдию. Та ехидно ухмыльнулась, нехороший признак. Он забеспокоился.

– Малыш, – чуть повысил он голос. – Кто?

– Сюрприз, – снова пропела Катерина и соскочила с подлокотника кресла, потому что раздался дверной звонок.

Звонили в ворота, конечно, не в дверь дома. Катерина глянула в монитор у двери, с кем-то поболтала через динамик домофона и защелкала кнопками. Илье очень хотелось вскочить с кресла и выглянуть в окно. Очень хотелось посмотреть, кто нагрянул. Но под пристальным ядовитым взглядом Клавдии он остался сидеть в кресле.

Он должен проявлять выдержку и не терять достоинства. Он не любопытен. Кто бы там ни был, это всего лишь гость. А он здесь теперь хозяин. Без пяти минут хозяин.

Катерина через несколько минут ввела гостя.

Мужчина, чуть за пятьдесят, в хорошей физической форме. Невысокий, с гладко бритым черепом, цепким прищуренным взглядом, крепко сжатым ртом.

Вон кто в гостях! Илья напрягся. Это был бывший начальник охраны покойного отца Катерины. Как там бишь его? Лапин Сергей Геннадьевич? Кажется, так. Пятьдесят три года. Не женат, детей нет. Отцу Кати был верен как пес. Не предал ни разу. Много выручал того где только можно. Приводов в полицию не имелось. То ли безукоризненным таким был, то ли удавалось уходить от ответственности.

Вот, пожалуй, все, что удалось о нем узнать помощнику Ильи. И не стал бы ни за что интересоваться, да помощник узнал, что этот самый Лапин Илью пробивает по своим каналам. Илья решил и его пробить. Обоюдно, так сказать. Кажется, раздобытыми сведениями оба остались довольны.

– Добрый день, добрый день, – протянул руку Лапин и широко улыбнулся. – Наконец-то представился случай. Очень рад знакомству.

Илья давно успел подняться, ответил на рукопожатие, так же широко улыбнулся. Махнул в сторону стола, приглашая на правах хозяина. Но Катерина вдруг замешкалась.

– Милый, давай еще немного подождем, – попросила она, взглянув на золотые часики на левом запястье – его подарок. – Будет еще один гость. Вернее, гостья.

И вот тут что-то тревожно зануло внутри. Просто во всем теле зануло, как если бы он схватил жестокую простуду. Как если бы его сразил опоясывающий лишай.

Кто? Кто это мог быть? Илья точно знал, что от теперешних подруг Катерина нос воротила. Не терпела их, не верила им, не желала таскать в свой дом.

– Моя территория, – обводила вокруг себя руками. – Это святое!

И тут вдруг она? Кто?

Когда после десяти минут томительного ожидания, заполненного никчемной болтовней с Лапиным, Катерина ввела в столовую Киру, Илья чуть не застонал. Еле справился. Еле заставил себя кивнуть бывшей жене.

Видимо, не совсем справился, раз Клавдия удовлетворенно улыбнулась ему в лицо. И тут же, старая ведьма, принялась суетливо отодвигать стулья от стола.

По одну сторону уселись Лапин с Кирой, по другую – Катерина с Ильей. Причем Илья оказался напротив Киры. Радоваться этому он не мог – Кира ужасно выглядела. Осунувшаяся, побледневшая, со странной зализанной прической, которая делала ее похожей на старую

птичку. В незнакомых Илье черных одеждах. Будто в трауре, честное слово! Она почти не смотрела на него. Взгляд был устремлен куда угодно, но только не в его сторону. Руки, которые она пристроила на край стола, дрожали. Он точно уловил.

Зачем Катерина это все устроила? Ей же больно! Кире невыносимо больно находиться здесь. Зачем Катя ее пригласила?

И его вдруг начала терзать странная жалость к бывшей жене. Мерзкая предательская жалость, с которой он ничего не мог поделать. Не будь здесь никого, он точно обнял бы ее, прижал ее голову к своей груди и поплакал бы вместе с ней. Жалея Киру, потому что все это свалилось на нее в одночасье. Жалея себя, потому что ничего не мог изменить.

Так однажды было много лет назад. Когда случилась у них одна на двоих общая беда. Кира потеряла ребенка на шестом месяце беременности. Страшно потеряла, без надежды когда-либо еще стать матерью. И когда она вернулась из больницы, он обнял ее прямо в прихожей, прижал к себе, и они расплакались. А потом лежали без сна в кровати, прямо в одежде и домашних тапочках. Прижимались друг к другу и верили, что все у них будет хорошо. Что они...

– Прощу отвлечься от вкусных блюд, господа! – Катерина постучала вилок по своему бокалу, призывая всех к вниманию. – У меня есть заявление.

– Тост? – Лапин дружелюбно оскалился.

– Нет, сначала заявление. – Катя встала, глянула на Киру. – Наша гостья, Сергей Геннадьевич, – это бывшая жена Ильи.

Тот сдержанно кивнул.

– Она позвонила мне на днях, попросила о встрече. Сказала, что хочет попросить прощения за тот случай в торговом центре. Я была жутко занята все эти дни и решила, что сегодня можно все как-то совместить.

Да нельзя было это совмещать, нельзя!!! Илья в сердцах швырнул салфетку на стол, с укором глянул на Катерину. Смотреть на Киру было страшно. Можно ли вообще смотреть на человека, которого казнят? А Катя решила устроить ей публичную порку, так? Публичное унижение? Нехорошо, детка, ай как плохо.

– Кира, – звонким веселым голосом окликнула Катерина гостью. – Вам слово.

– Я приношу свои извинения, – пробормотала скороговоркой бедная Кира, тысячу раз уже, наверное, пожалевшая, что явилась сюда. – Я не знала, что у вас гости, Катя. Я бы выбрала другой момент.

– Ой, да что вы, что вы, Кира. – Она так и продолжала возвышаться над столом, над ними всеми, красивая, сильная, одержавшая победу. – Какие гости? Илья здесь уже хозяин, он без пяти минут мой муж. А Сергей Геннадьевич – мой давний друг и покровитель, так что продолжайте.

– Что продолжать? – не поняла бледная до синевы Кира, попеременно глянув на Катерину и Лапина. Илью все так же обошла взглядом.

– Попросить прощения! Ну же!

– Так я уже попросила.

– Да? Ой, я прослушала, – неуместно хихикнула Катерина, дернула коленочками, как возбужденный ребенок. – Повторите, пожалуйста, идет?

Что это, в самом деле? Илья протяжно вздохнул. Глянул, ища поддержки, на Лапина. Но тому, кажется, все это нравилось. Он неотрывно наблюдал за Кирой, даже сел к ней впол-оборота.

– Я приношу свои искренние извинения, – чуть медленнее и звонче, что не было хорошим признаком, произнесла Кира и выпрямила спину.

– Ой, как славно, как замечательно! – Катерина мелко захлопала в ладоши. – А за что, за что? Кира, ну же!

– Хорошо. Раз вы настаиваете...

Его бывшая жена, с которой он прожил бок о бок пятнадцать лет, с которой думал составить вместе, которая очень хотела, да так и не родила ему ребенка, которая всегда и во всем его поддерживала, всегда оправдывала, всегда подставляла свое плечо, а иногда заслоняла его собой, медленно встала.

Илья снова мысленно застонал и чуть не выбежал.

Ему знакома была эта поза – прямая спина, скрещенные на груди руки, насмешливый холодный взгляд. За этой позой следовало непременно нападение. Стремительное, беспощадное. И Катерина, уставившаяся на Киру с сумасшедшей счастливой улыбкой, явно проиграет эту схватку.

Вдруг сделалось за нее неловко перед всеми. Исключая Клавдию, конечно, чей неуклюжий силуэт маячил в дверях гостиной.

– Желаете развернутых извинений? Получайте! – произнесла Кира. – Приношу свои извинения за то, что пятнадцать лет любила человека, с которым делила все: и горе, и радость. Извините, любила! Приношу свои извинения за то, что проглядела, как молодая шлюха увела его у меня, а я не заметила. Извините, не заметила! Приношу свои извинения, что сделала его таким, каким вы его сейчас наблюдаете: успешным, сильным, самоуверенным. Извините, старалась! Приношу свои извинения за то, что никогда не оставлю вас в покое, никогда. Извините, не могу!

– Почему? – упавшим подрагивающим голосом спросила Катерина, медленно оседая на свое место.

На нее было неприятно смотреть. Красота как-то сморщилась, уступила место подавленности. Веселость растворилась, нахлынула растерянность. У нее будто отобрали любимую игрушку. Будто не пустили на праздник, на который она возлагала больше надежды.

– Потому что продолжаю любить этого мерзавца. Извините, продолжаю любить! И ты, – Кира вытянула вперед правую руку, она тряслась так, будто через нее по каким-то невидимым источникам подавали ток. Сделала хватательное движение пальцами, сильно их сжала, – ты должна знать, что я не оставлю вас в покое. Я не позволю какой-то богатой шлюхе наслаждаться счастьем за мой счет. Не позволю!

И Кира умчалась, повалив стул и произведя такой грохот, что Илья вздрогнул, как от выстрела.

Хлопнула входная дверь. В столовую вошла Клавдия, подняла стул, задвинула его под стол. Схватила со стола прибор, приготовленный для Киры. С угрозой глянула на Илью и внятно прошептала:

– Сумасшедшая! От такой чего угодно ожидать можно!

– Все, хватит! – взвизгнула Катерина, вскакивая. – Няня, уйди!

Последовал звонкий хлопок в ладоши, будто она решила вызвать фокусника.

– Праздник продолжается, – оповестила она мужчин, метнулась к высокому бюро у дальней стены, порылась в нем, вернулась с папкой. – Извинения не получилось. А и черт с ней. Ей же хуже. Я ей еще устрою!.. Но сейчас не об этом.

Катя торжественно держала кожаную коричневую папку с золоченым тиснением по низу. Илья рассмотрел слово «подарок». И чуть отвлекся, хотя за мгновение до этого с тоской думал, что это не закончится никогда. Противостояние двух его женщин не закончится никогда, никогда! Они станут изводить друг друга ненавистью. Станут изводить его ревностью.

Это будет вечно, черт бы их побрал.

И тут Катя с этой папкой. Отвлекла его от тоскливых мыслей.

– У меня заявление. Илья, дядя Сережа, я долго думала. – Катя с нежностью глянула на притихшего Илью. – И пришла к выводу, что наш с Ильей брак станет для многих предметом пересудов.

– В смысле? – Илья обеспокоенно поерзал на стуле, будто в сиденье внезапно прорезалась дюжина кнопок.

– Станут говорить, что ты женился на мне по расчету. Что любви никакой нет и все такое.

– Чушь какая, – зло выпалил он, поймав на себе насмешливый взгляд Лапина.

Тот, видимо, не судачил, но думал именно так.

– Так вот, милый. – Ее теплая ладошка опустилась ему на плечо. Кожаная папка с золотым тиснением легла на стол перед ним. – Чтобы так не говорили, я подстраховалась.

– Каким образом? – Теперь вдруг Лапин принялся ерзать, эффект прорезавших сиденье кнопок был ему, видимо, тоже знаком.

– Я решила до свадьбы оформить все на Илью. Чтобы никто не заподозрил его в скверном расчете, я за три недели до свадьбы, – Катя помотала в воздухе тремя растопыренными пальчиками, – а свадьба наша как раз через три недели, мы уже и заявление подали... Так вот, я за три недели до свадьбы оформила все на Илью!

Илья потрясенно молчал, боясь дотрагиваться до папки. Это было как ларец с кладом найти. Будто и радостно, и одновременно тревожно: вдруг ларец пуст!

Лапин тоже молчал, но его потрясение было совершенно иным. Он оглядывал Илью странным взглядом. Будто прицеливался, куда удобнее всадить тому сейчас вилку для рыбы – в глаз или в кадык.

– Что ты оформила, девочка? Что – «все»? – после тягостной паузы спросил Лапин, долго перед этим откашливаясь. – Вообще все-все?

– Нет, дядя Сережа. Конечно нет. Я же не могу, – рассмеялась Катерина звонко, подевчачьи. – Я оформила на Илью свою фирму. То есть передала ему все акции.

– Оформила у нотариуса, конечно? – продолжал допрос Лапин, швыряя свою салфетку мимо стола.

– Разумеется. – Улыбка Катерины чуть померкла. – А что не так-то, дядя Сережа? Вы же знаете, что эта фирма у меня камнем на шее. Я ничего не понимаю в бизнесе.

– Неразумное решение, девочка.

Лапин встал, с грохотом отодвинул стул. Хорошо не опрокинул. Кивнул Катерине, нелюбезно обронил, что она могла бы и посоветоваться, и пошел к выходу. У самых дверей остановился, обернулся на Илью и махнул двумя растопыренными пальцами сначала в сторону собственных глазниц, потом в сторону Ильи.

– Помни, я за тобой наблюдаю, – проговорил Лапин на прощание и ушел.

Остаток дня прошел в какой-то суматохе. Катя носилась все время по дому с кожаной папкой, заставляя Илью припрятать ее куда-нибудь. А куда он мог спрятать акции теперь уже собственной фирмы в не чужом уже теперь доме? Она и дом, оказывается, оформила на него. И дом!

Дуреха. Вот дуреха.

Потом она собачилась с Клавдией, которая упрекала ее в недальновидности.

– Э-ээх ты, дурында! – скрипела домработница едва слышно, но Илья подслушал. – Отец наживал-наживал, а ты профукала за день.

– Отстань, – огрызалась Катя.

– Он вот к жене своей вернется, а ты ни с чем останешься. Дом на него оформила! Он выгонит тебя отсюда и жену свою приведет. А деньги-то? Деньги где возьмешь? На что жить станешь?

– Есть на что! У меня счетов за границей – внукам хватит. Чего это он к жене своей вернется, а, скажи? – задохнулась от возмущения Катерина. – Совсем спятила на старости лет? Он меня любит, поняла!

– Тебя, может, и любит, а ее жалеет. Видала я, как он на нее смотрел, когда ты ее тут позорила.

– Я ее не позорила.

– Позорила, и еще как. Ты же нарочно ее сюда позвала? Нарочно. Хотела унижить? При нем унижить хотела? Ох, дурочка! Ничего-то в жизни еще не понимаешь. – Клавдия обняла свою упирающуюся воспитанницу, погладила по голове. – Если он ее жалеет, то, значит, не разлюбил вовсе. Слишком многое их связывает, слишком. Пятнадцать лет – это не две недели, Катюшка. Он всегда ее помнить будет. И погоди, еще станет ей деньгами помогать. Твоими, между прочим, деньгами.

– Такого не будет! Я уничтожу эту старую вешалку! Вот увидишь, я найду способы.

О господи!

Илья привалился спиной к прохладному выступу стены, за которым подслушивал. Лоб покрылся испариной. Ноги предательски подрагивали.

Это не закончится никогда. Никогда!

Старая ведьма станет Катю настраивать против него, будет жужжать, науськивать. Катя станет ревновать, устраивать ему сцены, ее характер будет портиться. Кира продолжит их преследовать, будет постоянно напоминать о себе. О своей непроходящей любви.

Куда он вляпался?! Это же просто кошмар, а не жизнь. И этот кошмар не закончится никогда!..

Глава 7

Она спала? Или нет? Что-то странное с ней происходило, непонятное. Она снова очутилась в старом летнем домике, который специально для нее много-много лет назад построил в саду отец.

Домик был совершенно крошечным. Шесть ее шагов в длину и шесть в ширину. Но отец авторитетно заявлял, что это целых девять квадратов. То есть три на три метра.

– Это и не домик вовсе, дочка, – посмеивался отец в густую щетину. – Это твоя светелка. Добротная, уютная.

Что такое светелка, она в ту пору не знала, но с отцом была согласна – ее маленький летний домик получился милым, уютным и светлым.

Ей поставили там красивую кроватку с резной спинкой, с самой настоящей пуховой периной, грудой подушек, толстым одеялом и пухлым атласным покрывалом в мелкий цветочек. Рядом с кроваткой столик, над ним зеркало. В угол втиснули старинный одежный шкаф, отреставрированный отцом и доведенный до блеска. Пара стульев, один у столика, второй у входа. Большая шкура непонятного животного легла на деревянный пол. Окошко располагалось напротив двери, в изножье кровати. Мама сшила из такого же атласа в цветочек, как и покрывало, шторы, заставляла Киру перехватывать их на день толстыми витыми шнурами апельсинового цвета. Эту процедуру Кира не очень любила и шторы на ночь старалась не задергивать.

Как же славно там бывало по утрам!

Она просыпалась и какое-то время не открывала глаза. Лежала и слушала, как шуршат листьями яблони за окном, поют птицы, где-то за соседним забором истошно орет курица, громко урчит кот, которого мама постоянно гоняла веником за наглость. Потом она приоткрывала глаза и наблюдала за солнечными стрелами, прокравшимися сквозь яблоневые ветки в комнату. Крохотные пылинки, потревоженные светом, казались позолоченной сахарной пудрой, из которой пекут свои пирожные эльфы, а их в ее комнате живет видимо-невидимо. Точно-точно, она знала, что живут!

Потом раздавались тяжелые шаги мамы, распахивалась дверь, и волшебство исчезало.

– Вставай, Кируша, вставай. Завтракать пора.

Все сейчас было так и не так. В теле будто вовсе не ощущалась веса, только странная легкость. Мелькали какие-то странные сполохи, как если бы на улице был ветер и ветки яблонь драли в клочья настырный солнечный свет, намеревавшийся пробиться к ней в комнату. Шаги. Тяжелые шаги, как у мамы, когда она взбиралась по трем ступенькам к ней в домик, чтобы позвать на завтрак.

Но это же не мама. Ее не может быть, ее давно нет! И отца нет. Они как-то быстро ушли друг за другом много лет назад. И домика того нет, где она нежилась под толстым теплым одеялом.

Где она? Что с ней? Кто ходит? Откуда такой странный дергающийся свет?

Кира снова зажмурилась и постаралась вспомнить, что с ней было до того, как она проснулась. Долго не получалось. Мысли ускользали, как рваные клочья утреннего тумана, потревоженного солнцем. А потом вдруг...

– Здравствуйте, Кира Степановна.

Катерина позвонила ей после обеда. Точно, Кира только-только успела застегнуть молнию на дорожной сумке, которую набила не пойми чем перед путешествием. Она бы и не поехала никуда, Ирка настаивала. А когда узнала о происшествии на обеде, куда ее пригласили, готова была за шиворот оттащить ее к трапу самолета. Любого.

– Здравствуйте, – осторожно поприветствовала соперницу Кира. И тут же суетливо затараторила: – Вы простите, у вас что-то срочное? Я просто спешу очень.

– Я не отниму у вас много времени, – пообещала нежнейшим из нежнейших голосков Катерина.

И Кира ее тут же возненавидела много сильнее прежнего. За манерность, за мягкие интонации, за показную нежность.

Притворщица, тьфу!

– Что вы хотите?

– Прошлая наша встреча закончилась не очень. Я виновата, конечно! – тут же воскликнула Катерина покаянно.

И Кира возненавидела ее еще и за это лживое покаяние.

– Мне не надо было так поступать.

– Как? – вкрадчиво поинтересовалась Кира.

И сунула не занятую телефоном ладонь себе под мышку. Тряслась просто, как судорожная.

– Все это было лишним. Я виновата и не знаю, как загладить свою вину. Простите меня, Кира, – она отвратительно мелодично всхлипнула. – Простите, если сможете.

– У вас все?

Перед глазами все время плясали какие-то темные точки. И лоб покрывался испариной. И ноги не держали.

– Надо жрать, – ругался вчера Виталик, пытаясь накормить ее какой-то калорийной невкусной едой для спортсменов. – Так можно в голодные обмороки начать падать. Ир, скажи ей, чего ты!

Ирка страдальчески морщила безупречно гладкий лоб, кусала губы и молчала. Почему?

– Нет, не все. У меня есть к вам предложение, Кира, – вернулся ненавистно приятный голос соперницы.

– Что, еще одно? – она злобно фыркнула. – Не многовато ли предложений поступает от вас мне за последнее время? Или вы хотите переадресовать мне предложение, сделанное вам Ильей? Хотите вернуть мне мужа?

– Ха-ха, как весело. – Она, видимо, скривилась, потому что голос стал противным и гнусавым. – Нет, не хочу.

– Тогда что за предложение?

– Я хочу вам дать денег, Кира. Много денег! – вдруг выпалила Катерина с апломбом.

Как если бы сказала: «Дарую»! Или: «Жалую с царского плеча!»

– Денег? – прошипела Кира. Помолчала, пытаясь справиться с сухостью в горле. И снова спросила: – Денег?

– Да. Я хочу предложить вам денег, Кира.

– И сколько же, в вашем понимании, Катерина, это самое – много денег?

Ей перестало хватать воздуха, а черных точек перед глазами стало много больше. Кира напарила коленом диван, на котором стояла ее собранная к путешествию дорожная сумка. Рухнула, зажмурилась.

Эта тварь пытается ее купить? Ее или Илью?! Хотя его она уже купила. Что пообещала? Фирму, о которой узнала Ирка из своих источников? Счета в зарубежных банках? Позволила жить в огромном шикарном доме? Или уже подарила ему этот дом?

– Достаточно для того, чтобы вы могли начать новую жизнь где-то еще. Не в нашем городе.

– Ага, мне, стало быть, придется уехать? – уточнила Кира, боясь провалиться в обморок. Горело тогда ее путешествие синим пламенем.

– Да. Так будет лучше для всех нас.

– Вас? Лучше для вас?

Она же порвет просто эту наглую тварь! Предлагает денег, чтобы Кира убралась из города и не путалась под ногами?! Чтобы не попадалась им на глаза? Особенно Илье? Он-то, интересно, в курсе?

– Кира, не надо загонять себя в угол. Вы молодая красивая женщина, – не очень уверенно произнесла Катерина комплимент в ее адрес. – Вы можете начать новую жизнь. А с моими деньгами...

– И что с ними?

– С моими деньгами все будет гораздо проще! И Илью забыть, и построить свое счастье. Решайтесь, Кира.

Кира резко поднялась с дивана и принялась искать предмет потяжелее, которым можно было бы запустить в наглую красивую морду соперницы. Потом сообразила, что ее здесь нет. Что для наказания необходимо присутствие. И решила.

– Хорошо, давайте встретимся и все обсудим. Только возьмите сразу чековую книжку, дорогая.

Левая щека Киры задергалась вместе с веком, она перепугано прижала ее ладонью.

– Отлично! – обрадовалась молодая дурочка. – Давайте сегодня в восемнадцать ноль-ноль. Идет? Вас устраивает время?

Кира прикинула. До вылета после восемнадцати ноль-ноль у нее оставался приличный запас времени.

– Да. Мне приехать к вам в тот дом?

– Нет-нет, что вы! – Катерина слабо хихикнула. – Давайте на нейтральной территории. У меня на Рябиновой улице есть квартира. Удобнее там.

– Хорошо, диктуйте точный адрес.

Все именно так и было. Это она помнит. Что произошло дальше?

Кира снова зажмурилась, все еще ощущая странную невесомость во всем теле.

Что произошло дальше?

Она отключила в своей квартире все электроприборы, перекрыла воду, выключила холодильник. Там все равно было пусто. Взяла дорожную сумку, свою сумочку, вызвала такси и через несколько минут вышла на улицу. Продрогла, пока дожидалась машину. Ветер растрепал прическу, хотя она старательно укладывала волосы. Разметал полы ее легкого пальто на одной пуговице, она его специально надела. Пальто было стильным, красивым, почти белым. Оказалось не по погоде. Ветер выстудил саму душу, кажется. В довершение, когда она приехала на Рябиновую, пошел дождь. И пока Кира маршировала с сумками от такси до подъезда, макияж, над которым она тщательно трудилась, превратился в неряшливые мазки под глазами. О прическе было лучше не думать.

– Можно я оставлю сумку минут на десять? – спросила она у консьержа, дремавшего за стеклянной перегородкой с дежурной газетой в руках. – Я к подруге на минуту. Туда и сразу обратно.

– Минуточку, – восторженно воскликнул дядька, обрадовавшись перспективе скоротать время дежурства. – Во-первых, кто подруга? Во-вторых, что в сумке? В-третьих, кто вы? У нас порядок!

– О боже, как все серьезно! – Кира закатила глаза, полезла за документами. – Станете регистрировать?

Стал. И паспортные данные ее переписал, иначе пропускать отказался. И содержимое сумки велел показать, мало ли что. И имя зачатой подруги велел продиктовать.

На все ушло минут десять, вспомнила Кира сквозь странную дремоту, переместившую ее в невесомость. Потом она влезла в лифт, доехала до седьмого этажа. Подошла к двери и позвонила. Никто не открыл. Еще раз позвонила. Снова без ответа. Она глянула на часы. Она

не опоздала, было всего лишь пять минут седьмого. Катерина не могла уйти, не дождавшись ее. Если, конечно, она вообще ее ждала, полыхнуло в голове. И если это не очередной розыгрыш или подстава.

– Тварь! – скрипнула Кира зубами и пнула дверь.

А та возьми и откройся. Она вошла, хотя в прихожей было темно. Более того, она точно помнит, что пошла дальше по коридору, громко окликая соперницу по имени. Держась за стену, прошла коридором, вошла в какую-то комнату, сделала два шага, и вот тут на нее из темноты...

Вспомнила!

Кира попыталась шевельнуться – бесполезно. То же ощущение. Тело ее не слушалось. Все правильно! Потому что на ней что-то лежало. Что-то очень тяжелое. Именно на это она наткнулась в темноте, блуждая по чужой квартире. Наткнулась и повалила на себя. Упала и отключилась. То, на что она наткнулась, было очень тяжелым. И еще она больно ударилась головой, когда упала. Голова сильно болела. И горло почему-то.

Что это было? Шкаф, человек? Это могло быть и тем и другим, решила Кира со вздохом через мгновение. Попыталась шевельнуть руками, чтобы пощупать груз, придавивший ее к полу. Руки онемели и не шевелились. А еще странно болели.

Может, крикнуть? Почему консьерж не бьет тревогу, интересно? Она же не спустилась за сумкой. Пробыла в чужой квартире значительное время, не оговоренное в регистрационном журнале. Чего же он? Снова спит?

Она зажмурилась, когда вспыхнул свет под потолком. Он был таким ярким, таким ослепительно-белым, что Кире в тот момент показалось, что она лишилась зрения. А должна же была видеть людей, которых в квартиру набилось много-много. Она различала голоса сразу нескольких человек. Кто-то охал, кого-то жалели. Ее, видимо. Ее же что-то придавило к полу. Как не пожалеть.

– Давайте на раз-два, поднимайте! – скомандовал какой-то мужчина.

Раздались шаги совсем рядом. Сразу несколько человек сгрудились над ней. Она уловила разные запахи: мужской туалетной воды, пены для бритья, табака и мятной жвачки. Раздалась команда, что-то захрустело, ее обдало сначала волной воздуха, а потом все тело зашло в такой болезненной судороге, что она заорала.

– Больно тебе, да? – спросил кто-то.

Она по-прежнему не раскрывала глаз, не видела.

– Да, больно. Очень, – прошипела она едва слышно. – Что это было?

– Шкаф. На тебе лежал шкаф, гражданочка.

– Шкаф? Откуда он взялся?! Почему шкаф? – Она чуть дернула ресницами, приподнимая веки.

Ничего, одни силуэты. Мутные, размазанные. Но много.

– Шкаф, видимо, на нее упал, когда жертва сопротивлялась, – прогнусавил чей-то противный голос. И тут же с сожалением прищелкнул языком: – Борьба была не на жизнь, а на смерть!

– Михалыч, ты сможешь привести ее в чувство? – спросили гнусавого.

– Осмотрю на предмет повреждений, если все в норме, ватку с нашатырем в нос – и она ваша, ребята.

Над Кирой склонился человек, она почувствовала сильный запах пены для бритья. Его руки профессионально ощупали ее грудь, лодыжки, плечи, перевернули на бок, прошлись по спине.

– Все с ней нормально, не считая порезанных рук, шишки на голове и синяка на шее, – произнес он. Подтащил ее куда-то, посадил, облокотив о стену.

И тут же в нос Кире будто кто провода под током сунул. Она задергалась, закашлялась, глаза заслезились и, странно, почти сразу начали видеть, что творилось вокруг.

– О господи! – завизжала она через пару минут, осмотрев комнату по третьему кругу. – Что здесь? Как это? Я не понимаю! Господи, нет!

Когда-то уютная комната с современной легкой мебелью и нарядными шторами была вся разгромлена. Битое стекло, щепки от стульев, обрывки каких-то бумаг, поваленный посудный шкаф. Видимо, тот, под которым она так долго пролежала. Растерзанные диванные подушки с торчащими клочьями поролона. И посреди всего этого погрома мертвая Катерина в луже собственной крови с растрепанными волосами. А Кира с безвольно вытянутыми ногами сидит у стены в пропитавшемся кровью светлом любимом пальто. Чья это кровь? Чья? Катерины или ее собственная? У нее изрезаны ладони, саднят.

– О господи, нет, нет, нет! – Она начала молотить головой о стену, старательно отводя взгляд от мертвой соперницы.

– Эй, вы можете сказать, что здесь произошло?

Перед ней на корточках опустился громоздкий мужчина, от которого пахло мятной жвачкой.

– Нет! Не могу! Не знаю! – свистящим шепотом выпалила Кира, чувствуя, как надуваются пузырьком слюны, которые она не могла сглотнуть.

– Хорошо. Вы знаете эту женщину? – И тут же прикрикнул: – Не смейте врать! Консьерж сказал, что вы шли именно к ней.

– Да, к ней. Это Катерина, – залопотала Кира. Тут же вспомнила фамилию, Ирка узнала по своим каналам. – Катерина Грибова.

– Она ваша подруга?

– Да. Нет.

Кира уронила голову на грудь и тут же испуганно вздернула ее неестественно высоко. Пальто на груди было мокрым. Оно было в крови. Чья это кровь, ее или Катерины?!

– Так да или нет? – Голос мужчины, от которого пахло мятной жвачкой, сделался сухим и резким. – Гражданочка, кем вам приходилась эта женщина?!

– Она позвонила мне сегодня и пригласила на встречу.

– Зачем?

– Поговорить.

– О чем вы хотели говорить? Вы не дружили?

Кира отрицательно замотала головой.

– Кем она вам приходится? Причина вашей встречи? Вы же собрались на отдых. В вашей сумке купальники и масло для загара. Зачем вы приехали к ней? Кто она вам?!

– Она увела у меня мужа, – ответила Кира.

И тут же в комнате сделалось так тихо, что стало слышно гудение холодильника в кухне, где-то за стеной. А потом все разом задвигалось, застучало, заговорило. И в этих звуках Кире отчетливо послышалось облегчение. И тот, что дышал ей в лицо мятной жвачкой, почти весело приказал:

– Все ясно, ребята. Пакуйте ее.

Глава 8

– Дмитрий Викторович, что-нибудь выпьете?

Парень, которого привела с ним знакомиться дочь Василиса, понравился Макарову сразу. Просто с первого взгляда. Василиска в него, наверное, тоже влюбилась с первого взгляда. Хороший парень.

Высокий, без стероидных излишеств по-спортивному сложен, одет без особого шика, но по-молодежному. Современно то есть. Хороший открытый взгляд, приятное лицо, крепкое рукопожатие. И говорит без манерности. Отличный парень.

– Что-нибудь будешь, пап? – Василиска пнула его под столом ногой, натянуто улыбнулась. – Олег спросил!

– А. – Макаров дернулся, улыбнулся ребятам. – Нет, я за рулем. Воды или сока можно.

Олег начал перечислять официанту все, что заказали, и вызвался заплатить за все, хотя Макаров прихватил с собой денег на всякий случай. Думал, голодные студенты и все такое. Оказалось, Олег – совладелец какой-то компьютерной мелкой конторки, неплохо уже зарабатывает. И способен содержать не только себя, но и Василиску.

– Вы не подумайте, Дмитрий Викторович, я не нахлебник. Я, конечно, не ворочаю сейчас миллионами, но все в перспективе. Мама Василисы не очень одобряет мой бизнес и говорит, что...

Макаров тут же выключил слух. Что именно могла говорить мама Василисы, он приблизительно представлял. Поэтому не желал слушать изложение даже от третьего лица.

– Как я понимаю, вы меня вызвали, чтобы сообщить о чем-то важном? – встрепнулся Макаров, когда Олег наконец перестал цитировать будущую тещу.

– Да, – синхронно кивнули ребята.

– И?..

– Пап, мы хотим пожениться, – сообщила Василиса и покраснела, как маленькая девочка.

Засмуцалась. А Макарову неожиданно сделалось приятно ее смущение. Дочка хорошая выросла. Не нахальная. Не испорченная современным равнодушным городом.

– Это хорошо, – похвалил он. – А проблема-то в чем? Жить негде? Я могу на дачу съехать. Живите в моей квартире.

– Папка! – Василиса ахнула, тепло улыбнулась и погладила его по руке. – Ты такой у меня...

– Что? Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.